

РЕТРОСПЕКТИВА
НЕОБЪЯСНИМЫХ
ЗАГАДОК
ИСТОРИИ

ЕВГЕНИЙ
ФИЛАТОВ

ПРОПАВШИЙ
БАТАЛЬОН

сумеречная территория

Евгений Филатов

Пропавший батальон (сборник)

«У Никитских ворот»

2018

УДК 82-3
ББК 84 (2Рос=Рус) 6.44

Филатов Е. А.

Пропавший батальон (сборник) / Е. А. Филатов — «У Никитских ворот», 2018

ISBN 978-5-00095-428-7

История человечества полна тайн и загадок, многие из которых не могут объяснить даже самые суровые скептики. Кто и зачем построил Стоунхендж, что скрывает Бермудский треугольник, как погибла группа Дятлова – ни технический прогресс, ни прорыв в информационных технологиях не приближают нас к окончательным ответам на эти вопросы. Евгений Филатов предлагает своё объяснение нескольким мистическим случаям, мало известным широкой аудитории. Опираясь на данные публичных и архивных источников, он подробно реконструирует ход предполагаемых событий и, кто знает, возможно, наиболее близко подошел к реальному положению дел. Фантазия, как известно, иногда прозорливее любых научных исследований. Книга «Пропавший батальон» – попытка разгадать тайны истории, она будет интересна всем любителям мистики и фантастики.

УДК 82-3

ББК 84 (2Рос=Рус) 6.44

ISBN 978-5-00095-428-7

© Филатов Е. А., 2018

© У Никитских ворот, 2018

Содержание

Пропавший батальон	6
Тоннель Линкольна	19
Утрехтское столпотворение	28
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Евгений Филатов

Пропавший батальон (сборник)

© Филатов Е. А., 2017

© ИПО «У Никитских ворот», оформление, 2017

* * *

УВАЖАЕМЫЙ ЧИТАТЕЛЬ, предлагаю Вашему вниманию авторскую интерпретацию некоторых реальных исторических событий, имевших место в различные века и эпохи. Все события объединяет один немаловажный признак: никто не может объяснить, что же, собственно, произошло.

Все повествования построены на документированных исторических фактах, многие имеют свидетельства в виде записей, протоколов и отчётов. Современники и свидетели данных случаев сходно излагают последовательность событий, но никто не проливает свет собственно на суть. Все источники так или иначе указывают на мистический и необъяснимый с материалистической точки зрения характер происшествий, средневековые же манускрипты прямо говорят о вмешательстве темных сил, которые и привели к столь драматическим для участников последствиям. Случаи, имевшие место не так давно – например, во время Первой мировой войны, – вообще происходили на глазах сотен свидетелей, достойных доверия; расследованием занимались разведывательные службы супердержав того времени, но это обстоятельство никоим образом не меняет главного: нет ответа ни на один вопрос. Результаты расследований засекречивали, проводили дополнительные проверки, привлекали лучших специалистов в области контрразведки и криминалистики, но ничто не пролиvalo дополнительного луча света на тайну.

Я попытался представить, что было до, во время и после происшествий. Конечно, это абсолютный вымысел, но, согласитесь, такая версия тоже имеет право быть наряду с сухими отчетами официальных источников.

Итак, приступим...

Пропавший батальон

11 августа 1915 года

Османская империя, бухта Сувла,

**расположение Австрало-Новозеландского
экспедиционного корпуса (ANZAC)**

9 часов утра

– КАКОЕ ОТЛИЧНОЕ УТРО, МЭЛЛОУН! – капитан Остридж по-отечески потрепал капрала Дэвида Мэллоуна по плечу. Утро было и впрямь замечательное. Прекрасное средиземноморское утро, ласковое и теплое; однако ветерок, уже горячий, нашептывал, что днем будет очень жарко. В прямом и переносном смысле.

– Да, сэр, отличное утро, чтобы сдохнуть, – недовольно пробормотал капрал, завистливо поглядывая на бездельников из АНЗАКа, которые только и знали, что набивали свои животы и дрыхли, пока англичане несли на себе все тяготы фронтовой жизни.

Капитан был немногим старше него, но уже успел отличиться на германском фронте, где получил легкое ранение, и по ходатайству своего дяди, лорда Каннингема, был переведен в добровольческий Норфолкский полк, действующий на южном фронте под командованием храброго полковника Хорейса Бошема, которому прочили бригадного генерала, возьми он эту чертову высоту шестьдесят. Говорили, что стоит выбить оттуда турок, как звание будет у него в кармане. Но это был не больше чем солдатский треп. И Мэллоун это знал. Они уже битые две недели торчали здесь после высадки, всячески обхаживая эту треклятую высоту шестьдесят, где турки с помощью немецких инженеров выстроили неприступную крепость, ощерившуюся десятками орудий и сотнями пулеметов. Так, по крайней мере, представлялось английским солдатам, которые каждый раз отступали с большими потерями после очередной неудачной попытки штурма.

Что только не предпринимал полковник Бошем для исполнения приказа самого генерал-лейтенанта Гамильтона: крепость даже несколько раз бомбили британские аэропланы, но, похоже, туркам это было не больнее, чем укусы блохи.

– Мэллоун, выше нос! Посмотрите лучше, как превосходно выглядят наши дальние родственнички из-за океана! – капитан указал стеком на ленивое воинство австралийцев и новозеландцев. – Вот так и уверуешь, что чем дурнее кровь, тем проще жить!

– Сэр, они даже ни разу не ходили в атаку, всё прохлаждаются в лагере! – обиженно протянул капрал. – Где же справедливость?

– Друг мой, мы накапливаем силы. Сегодня подойдет резерв, и тогда это пушечное мясо отправится туда, куда проложит дорогу «Юнион Джек»! – тихо молвил капитан, который любил изъясняться высокопарно.

Мэллоун привык к его закрученным фразам, и они уже его не так раздражали, как раньше, когда он только что был приставлен к щеголеватому капитану порученцем. Никакие

тяготы войны не могли заставить капитана Остриджа, прозванного австралийцами Страусом, пренебречь привычками, которым, по правде говоря, было больше места дома, в Лондоне, нежели здесь, в этом влажном и жарком пекле. Речь шла о хирургически чистом бритье, опрыскивании себя с головы до ног пряными духами и о постоянной глажке кителя, что делало существование капрала просто невыносимым. Но Остридж повторял, что нужно оставаться англичанином всегда и везде, даже если придется бриться осколком стекла.

Вскоре капитан познакомился со славным малым – лейтенантом Сэмюэлем Перкинсом из Нового Южного Уэльса, добровольно записавшимся в корпус, который командование Антанты бросило в помощь британским частям, воюющим на турецком фронте. Лейтенант происходил из знатной семьи лендлорда, что позволило ему получить офицерский чин и довольствие; он также имел приличное походное снаряжение, да такое, что капитан Остридж повадился ходить к нему для глажки кителя, ибо утюг, привезенный из Аделаиды, был более «утюжистый», нежели родной, британский, коим ранее орудовал Мэллоун, пыхтя и проклиная жару и привычки капитана. Видите ли, утюг Перкинса не оставлял полос и заломов на выцветшей от палящего южного солнца ткани кителя и галифе! Да, это, конечно, очень важная деталь в победе над турками!

Лейтенант, дурья голова, искренне сокрушался, что их часть держат в резерве, и всячески рвался в бой, как только слышал британский горн. Но полковник Бошем хладнокровно берег резерв до подхода основных сил АНЗАКа, – берег для решительного штурма, несмотря на ежедневные потери, которые нес Норфолкский полк.

– Сэмюэль, – достаточно громко, чтобы австралиец услышал, обратился Остридж к нему, – по нашим турецким друзьям можно проверять часы! Бьюсь об заклад, что сейчас начнется артиллерийский обстрел. Ставлю на шрапнель!

– Сэр, турки ленивы! Думаю, они еще спят, – неуверенно произнес лейтенант Перкинс.

– Вот посмотрите, – капитан взглянул на карманные часы. – Без четверти десять всё и начнется!

Он поправил фуражку и, подмигивая, повернулся к порученцу:

– Мэллоун, а вы что скажете?

– Как пить дать, будет шрапнель, – пробурчал обреченно капрал, которого страшно раздражали эти турецкие обстрелы, когда в воздухе вспучивались белые облачка взрывов и противно жужжали осколки, вспарывая горячий воздух.

Лагерь находился дальше зоны поражения турецкой артиллерией, но доставалось дозорам, которые то и дело приносили на носилках в лагерь раненых и убитых.

В голубом небе разом появилось несколько разрывов, чуть позже достиг слуха и звук.

– Разрази вас гром, вы правы! – Лейтенант выпрямился, но, спохватившись, инстинктивно пригнулся. – Как вы узнали, сэр?

– Удача на моей стороне, мой дорогой Сэмюэль, вы опять проспорили! Просто я нахожусь тут чуть дальше вас, – Остридж хитро посмотрел на австралийца. – У вас не завалилась ли бутылочка того замечательного зернового виски, которым вы угощали меня в прошлый раз?

Перкинс был явно раздосадован: скоро от его запаса отцовских напитков не останется ничего, если он и дальше будет спорить с этим везунчиком из далекого Лондона.

– Капитан, а что вы скажете о донесении разведки – я имею в виду странные инженерные сооружения, обнаруженные на высоте шестьдесят? Говорят, там трудился целый немецкий университет, и лишь спешка помешала военным установить гигантскую мортиру, которая могла бы перекрыть все подступы к крепости со стороны бухты.

– Мой любезный друг, раз не успели, так и незачем об этом говорить. Скоро мы выйдем турка и своими глазами посмотрим на эти легендарные немецкие диковинки. Я бы и сам не отказался от большой пушки, чтобы разнести к чертям эту крепость, как скорлупу ореха. Но

пушку нам не привезли! – Капитан Остридж усмехнулся и подмигнул австралийцу. – Значит, Перкинс, придется нам немного поработать, вы не против?

– Черт возьми, я засиделся уже здесь, да и мой взвод уже воет от безделья. Не за этим мы проплыли несколько тысяч миль!

– Ничего, Перкинс, еще пара дней, и вы будете героем битвы при Анафарте! – Остридж засмеялся, а австралиец с досадой махнул рукой. Анафарта была жалкой опустевшей пастушьей деревушкой на склоне высоты, и место ее нахождения на гражданских картах можно было показать лишь кончиком остро отточенного карандаша.

11 августа 1915 года

3 часа пополудни

Полковник Бошем расхаживал вдоль длинного, наспех сколоченного из досок стола с картой, установленного в штабной палатке. Жара выдалась нестерпимая, полковник даже решил офицерам расстегнуть верхние пуговицы форменных рубаш и ослабить галстуки, что было неслыханной поблажкой. Бошем и сам обливался потом, утирал лоб платком и, раздраженно морщась, указывал пальцем на вражеский укрепленный район.

– Господа, завтра мы обязаны взять эту треклятую высоту. Сам военный министр посвящен в детали операции, а это значит, что мы кровь из носу, но должны выполнить приказ. Сэр Гамильтон уже мечет молнии и шлет мне шифровку за шифровкой. Вот, полюбуйтесь, господа!

Бошем тряхнул в воздухе телеграфной лентой, где каждое слово шифровки было наполнено благородным гневом командования.

– Хочу напомнить о том, что каждый из нас несет личную ответственность за операцию! Итак, господа, обсудим завтрашнее наступление. Капитан Бек возглавит основную штурмовую группу.

При этих словах капитан Джеффри Бек вскочил и, сверкая, как начищенный соевен, выкрикнул:

– Есть, сэр! Это большая честь для меня!

– Сядьте, Бек, это не честь, а тяжкая ноша прежде всего! – Бошем нахмурился. – Помимо вашей Сэндрингэмской роты вам, капитан, будут приданы люди капитана Остриджа.

Остридж недовольно поморщился: он недолюбливал выскочку Бека, а тут еще и в подчинение к нему! Но приказ есть приказ. Как аристократ и офицер армии ее величества капитан Остридж даже не подумал возразить или усомниться в правильности решения полковника. Он слегка склонил голову и чуть заметно улыбнулся, ловя торжествующий взгляд Бека, который вращал глазами, не веря в свое счастье показать отвагу и героизм.

– Начало наступления назначено на пять пополудни 12 августа – то есть завтра. День должен быть ясным, солнце к закату будет слепить турок, что сыграет нам на руку. Наша артиллерия обещает нам хорошую поддержку, парни из АНЗАКа тоже не будут лишними – хватят им прохлаждаться в теничке!

По рядам офицеров прокатился смешок. Бошем долгое время не мог дождаться последнего транспорта с тремя сотнями головорезов из Мельбурна, но вот пополнение прибыло, и завтра настанет долгожданный день, когда эта крепость будет взята любой ценой. Будь он проклят, если это не так!

Он умолчал о шифровке, полученной из ставки: союзное командование было обеспокоено ходом Дарданелльской операции. Там говорилось о прибытии несколько дней назад на полуостров Галлиполи германских военных. В обстановке строгой секретности на высоту шестьдесят были доставлены пятью грузовыми автомобилями некие ящики – их сопровождали

немецкие чины и гражданские лица. Агентурная сеть больше ничего толком конкретизировать не смогла. Армейская разведка, приданная командованию Дарданелльской операцией, лишь подтвердила сведения о германских военных специалистах и грузе, доставленных в турецкую крепость, но не более того. Также двумя аэропланами были сделаны фотографические снимки крепости с воздуха, из которых стало ясно, что укрепление совершенно нетипично и не имеет открытых оборонительных сооружений в виде окопов и траншей, все коммуникации находятся под землей. Это известие встревожило полковника: он слышал о боевых газах, впервые примененных германцами в апреле при Ипре, а также используемых ими и позднее. По странному стечению обстоятельств, англичане и французы тогда тоже осаждали высоту с кодовым индексом шестьдесят. Какая ирония судьбы...

Бошем успокаивал себя тем, что подготовка к апрельской газовой атаке у немцев заняла не одну неделю, да и пятью грузовиками нельзя привезти достаточное количество химических зарядов, но на всякий случай личному составу были розданы противогазы, прибывшие специальным транспортом.

– Подведем итоги, господа, – сказал полковник. – Сейчас личный состав может отдыхать. Ночью проведем необходимую подготовку. А завтра мы надерем зад туркам! Пусть потомки янычар узнают силу нашего оружия! Есть вопросы?

Остридж присел на снарядный ящик возле штабной палатки и достал из планшета чуть примятый листок бумаги, на котором он давеча начал писать письмо своей далекой невесте, леди Мэрион Глосестер: «...Дражайшая моя Мэрион, завтра мы выступаем в решительную атаку на османские укрепленные позиции, кои были заранее для нас подготовлены, чтобы сделать наше наступление не столь похожим на увеселительную прогулку под ласковым средиземноморским солнцем! К превеликому сожалению, у нас нет возможности в полной мере насладиться красотами здешней природы, так как мы вынуждены отвлекаться на докучливых турок, которые всячески испытывают наше терпение и не дают совершать соревновательные заплывы на время в прекрасной бухте, как мы планировали ранее. Будь моя воля, я бы устроил турнир по гребле, как это принято в Итоне, но здесь не достать приличных байдарок, лишь убогие рыбацкие баркасы, годные для ловли чего-нибудь нам на ужин. Но англичане на то и англичане, чтобы даже здесь не отступать от наших традиций в спорте! Мы боксируем с молодчиками из австрало-новозеландского корпуса. Есть один малый из Перта, который недурно исполняет апперкоты, да так, что с ним совершенно не стыдно стоять на одном ринге, хотя назвать это рингом можно лишь с превеликой натяжкой. Жизнь здесь идет неторопливо, как и везде в Средиземноморье. После обеда наступает длительная сиеста, когда часовые с завистью смотрят на дремлющих в тени солдат, свободных от караульной службы. Если вдруг какой турок и решит пальнуть из пушки, так очень забавно смотреть, как лениво приоткрывает глаза бывалый служака, не меняя положения своего тела, и недовольно морщится, а свежеиспеченный новобранец откуда-нибудь из-под Веллингтона испуганно норовит вскочить и спрятаться за дерево или в траншею, хотя турецкие маломощные хлопущки не причиняют нам ни малейшего вреда...»

В этот момент очередной разрыв снаряда и свист осколков заставили капитана инстинктивно пригнуться. Турки пристрелялись и принялись навешивать над передним краем целую стену шрапнельных зарядов. Послышались далекие крики и стоны раненых, пробежали в сторону обстрела санитары с пустыми носилками, чтобы вернуться с печальным грузом. Ответный огонь не приносил туркам ощутимого вреда, но это лишь сегодня. Завтра же добрые четыре дюжины орудий одновременно ударят по крепости, обеспечив пехоте необходимое время для того, чтобы она могла пересечь простреливаемое пространство перед укреплениями. Сколько храбрых британцев поляжет завтра – одному Богу известно. Но леди Мэрион не стоит знать о том, что эта битва совсем не «милая прогулка» по морскому берегу, да и песок этой бухты насквозь пропитан кровью.

Тем временем бойцы в лагере Норфолкского полка готовились к бессонной ночи. Под ее покровом им предстояло сделать многое: скрытно установить орудия на нужных позициях, используя все хитрости маскировки; осуществить передислокацию сил ударной группы... Да, ночь обещала быть веселой!

Капитан Остридж быстро черкнул еще пару слов, после чего аккуратно сложил письмо в заранее подписанный конверт, который и лег вскоре между страницами карты и фотокарточкой Мэрион в полевой сумке. Даст Бог, он отправит его завтра, гордо стоя на руинах поверженной крепости на высоте шестьдесят...

12 августа 1915 года

5 часов пополудни

Капрал Мэллоун никак не мог унять дрожи в руках. Да и сердце бешено колотилось. Так всегда бывает перед атакой, и он ничего не мог с этим поделать. Капрал поглядывал на капитана Остриджа, который являл собой образчик невозмутимости, и лишь нервные похлопывания ладонью по полевой сумке, где лежали письмо и фотография, выдавали его напряжение и скрытый азарт, схожий со стойкой гончей перед броском за ланью.

Прозвучала команда пристегнуть штыки. Воинство заклацало металлом, ощерившись острой сталью, подобно гигантскому ежу. Норфолкский полк пригнулся, сотни рук закрыли уши – началась артиллерийская подготовка. Одновременный залп десятков орудий породил адский грохот, и позиции англичан заволокло пороховым дымом. Через мгновение облачка разрывов накрыли высоту шестьдесят, обозначая попадания и промахи. Второй залп был дан тут же, с поправкой на сигналы корректора – дай Бог ему долгой жизни! Корректор находился на нейтральной полосе, хорошо различимый в бинокли командирами орудийных расчетов, но невидимый для турецких стрелков. Белые барашки разрывов теперь легли более кучно, нанося повреждения укреплениям турецких войск. Тяжелая артиллерия сделала свое дело, и Остридж под звуки горна увидел взмах сигнального флага капитана Бека.

– В атаку, господа! Покажем турку, как воевать с англичанами! – Остридж встал в полный рост и вскинул руку с револьвером. – Впере-е-е-ед!!

Пехотинцы двух рот – капитана Бека и капитана Остриджа – в количестве двухсот шестидесяти семи человек устремились вперед с винтовками наперевес. Перед ними стоял небольшой лесок, отделявший равнинную местность прибрежной полосы от подножия высоты. Солдатам предстояло бегом преодолеть эту немалую дистанцию и под прикрытием артиллерии атаковать укрепленный район.

Полковник Бошем, глядя на удаляющихся пехотинцев Сэндрингэмской роты, недовольно качал головой. Все расчеты на прекрасную погоду, яркое закатное солнце, слепящее турецкую оптику, и скрытность подготовки наступления оправдались. Всё шло как по маслу. Но полковника беспокоило странное природное явление, а именно непонятно откуда взявшийся туман, всё больше накрывающий лесок и русло высохшего ручья, куда в эти минуты бежала пехота. После ручья начинался подъем на высоту шестьдесят, который предстояло преодолеть полку. Огневая мощь турок была, по всей видимости, временно подавлена артподготовкой, дело оставалось за пехотой. Части АНЗАКа тоже пошли в атаку, выступая с флангов, и ничто, казалось, не могло остановить напор атакующей армии.

– Господин полковник, что это? – вдруг вскрикнул ординарец, показывая пальцем. Полковник поднял глаза. В абсолютно безоблачном ранее небе теперь висело несколько серо-зеленоватых облаков, совершенно неподвижных, несмотря на усиливающийся ветер, трепавший

флаг за спиной полковника. Расползавшийся по ложине туман имел такой же зловещий оттенок, как и облака.

«Что за чертовщина? Неужели хлор? Когда они успели подготовиться к газовой атаке?» – вихрем пронеслось в голове Бошема.

– Газы!! – зычно крикнул полковник. Его окружение засуетилось, надевая защитные средства. – Передать по цепи штурмовой группе! Да быстрее же, черт возьми!

Азарт атаки все более захватывал англичан батальона Бека и Остриджа. Бойцы бежали так, словно хотели показать лучший результат на дистанции в милю с четвертью. Серьезного сопротивления со стороны турок они не встречали, ответного огня из крепости почти не велось, лишь слышны были хлопки разрывов английских снарядов, разрушающих турецкие укрепления. Капитан Бек, едва завидев странный зеленоватый туман впереди, в рощице, командовал надеть противогазы – он знал о последствиях вдыхания хлора. Да, бег в августе со всем снаряжением, да еще в неуклюжем противогазе и с винтовкой наперевес – занятие не из приятных. Остридж с тревогой смотрел на приближающийся туман, который становился всё гуще, его рука легла на полевую сумку, где покоились письмо и фотографическая карточка невесты. Это был своеобразный оберег... Солдаты один за другим ныряли в странное марево, пока последний рядовой штурмовой группы не скрылся в нем.

Полковник Бошем в бинокль видел, как туман поглотил наступающих бойцов целиком; по его расчетам, они должны появиться из леска и пересечь русло ручья через четыре минуты. В атаку вступили продвигавшиеся с флангов остальные батальоны Норфолкского полка и австрало-новозеландский экспедиционный корпус. Застрекотали ожившие пулеметные гнезда изрядно разрушенной крепости, завязался бой с правого и левого флангов. Лишь по центру царило некое замешательство. Прошло уже десять, пятнадцать, двадцать минут, а штурмовая группа так и не показалась из рощи. Тщетно пытаясь хоть что-то разглядеть в зеленоватом тумане, полковник в сердцах вскричал:

– Бека – под трибунал! По завершении операции отыскать и арестовать, если он еще жив! – Ординарец трясущейся рукой записывал распоряжения. – Выдвинуться резерву в центр!

В этот момент наблюдатели на командном пункте заметили некоторое движение в лесочке: туман за клубился, словно подхваченный порывами ветра; зеленоватые шупальца, проникшие между стволами деревьев, стали собираться в некое подобие облака. Далее произошло то, что не получило никакого разумного объяснения у здравомыслящих свидетелей. Туманное облако оторвалось от земли, обнажив голые стволы чахлах деревьев, еще утром покрытых сочной зеленью; поднялось над горизонтом, затем еще выше; слилось со своими висевшими доселе неподвижно собратьями и медленно поплыло в сторону Болгарии, не подчиняясь изрядному ветру, дувшему в другом направлении. Изумленным взглядам наблюдателей предстала совершенно прозрачная роща, полностью лишенная листвы; истонченные скелеты деревьев не были способны скрыть даже птицу, не то что человека. Но увы. В лесочке не оказалось никого: ни единого солдата, ни единого трупа – деревья окружала абсолютно безжизненная пустота.

В пылу атаки полковник Бошем отложил на потом решение этого ребуса – важно было завершить бой и взять крепость, что и было сделано. Через несколько часов после начала штурма турки, понеся значительные потери, вывесили белый флаг, и командир османского гарнизона полковник Умут Хайдар-паша собственноручно сдал свою саблю полковнику Бошему. Тщательное обследование укрепленного района показало, что коммуникации выполнены по германским чертежам, часть которых обнаружена в командном бункере. Назначение некоторых помещений не выяснено, так как допрашиваемые турецкие офицеры и солдаты не владели такими сведениями. Хайдар-паша даже под страхом расстрела отказался раскрыть мис-

сию немецких специалистов, прибывших в крепость, однако так и не обнаруженных ни в числе живых, ни среди погибших.

– Не мое дело допрашивать пленных! Но ничего, наша контрразведка быстро развяжет ему язык. Надеюсь, там получают ответы на все вопросы, – Бошем крутил на столе разрозненные бланки и документы на немецком языке, пытаясь понять содержание. Наконец махнул рукой: жаль было терять драгоценное время. – Найдите мне переводчика. Живо! – распорядился он.

Но и перевод бумаг не пролил света на происходящее: тотальное шифрование документов явило полковнику полную тарабарщину, еще более запутавшую дело. Турки клялись Аллахом, что не видели ни единого англичанина, который бы вышел из тумана в низине перед высотой. Обследование территории крепости и окрестностей тоже не дало никаких результатов. Четверть тысячи человек попросту исчезли, растворились в тумане.

Командира Норфолкского полка такая формулировка никак не могла устроить, поэтому исчезнувшие бойцы были признаны без вести пропавшими. Розыскная команда не обнаружила следов присутствия людей в той части роши, которая во время штурма была окутана туманом. Позднее в полумиле к северу поисковики нашли кокарду и личный жетон рядового Сэндрингэмской роты Норфолкского полка Джона Митчелла, но тело его не было найдено, – как, впрочем, и тела остальных двухсот шестидесяти шести человек. Не удалось отыскать и таинственные ящики, привезенные германскими военными. Было установлено, что немцы сами разгружали и монтировали некое техническое приспособление, доставленное ими в крепость, но турецкий гарнизон к такой работе не привлекался. Закончив монтаж, немецкие специалисты этими же грузовиками увезли в неизвестном направлении большие деревянные ящики. Заместитель коменданта крепости майор Ахмет Алем изложил в своих показаниях, что в крепости остались два германских офицера, бегло говорящие по-турецки и одетые в турецкую форму без знаков различия, однако никто из немцев не контактировал с личным составом гарнизона, за исключением полковника Хайдар-паши. После начала британского артиллерийского обстрела их больше никто не видел. Турки вообще истово отрицали саму возможность проведения ими газовой атаки, что подтверждалось данными полевых медиков, которые не нашли в лощине никаких признаков отравляющих газов.

На следующий день, 13 августа, солдаты АНЗАКа обнаружили в пустынной равнине, что находилась в десяти милях от высоты шестьдесят, сгоревшие остовы пяти грузовых автомобилей, а также следы от колес аэропланов. На этом все находки закончились. Неудовлетворенный ходом расследования, полковник Хорэйс Бошем написал несколько рапортов командующему лорду Гамильтону, где настаивал на версии «бесследного исчезновения Сэндрингэмской роты батальона 1/5 Норфолкского полка». Впоследствии формулировка была изменена на более обтекаемую: «пропали без вести при невыясненных обстоятельствах».

Дело об исчезновении Сэндрингэмской роты Норфолкского полка засекретели и передали в коллегии военного министерства, где было проведено тщательное расследование, но каких-либо значительных результатов это расследование не дало. Гриф секретности с дела не снят до сих пор.

12 августа 1915 года

5:30 пополудни

Капрал Мэллоун пытался справиться с одышкой, но сделать это в противогазе оказалось чрезвычайно трудно. Пот заливал глаза, винтовка стала невыносимо тяжелой и стремилась уткнуться в землю. Вокруг был сплошной плотный туман, ничего не видно, хоть глаз выколи. Да и выколоть глаза тут было немудрено – минуту назад прямо на штык капрала едва не напо-

ролся перепуганный рядовой, сорвавший с себя противогаз; что-то беззвучно прокричал и тут же исчез в сером тумане.

Капитана Остриджа Мэллоун потерял из виду сразу же, как только марево поглотило их, и теперь капрал усиленно пытался понять, куда идти дальше. Он остановился, повернулся вокруг своей оси, всматриваясь в непрозрачную мглу, но сориентироваться в пространстве не смог. Внезапно вырастающие перед глазами стволы деревьев, странно деформированные, с ветками-стрелами, так и норовившими проткнуть шею, сбили Мэллоуна с толку. А тут еще абсолютная тишина, обступившая его со всех сторон... Уши точно заложило ватой. Ни грохота пушек, ни разрывов снарядов он не слышал. Неужели артиллерия закончила стрельбу раньше, чем планировалось? Или случилось что-то непредвиденное? Так, главное – не паниковать! Нужно отыскать капитана, и всё станет на свои места! Капрал двинулся наугад. Дыхание давалось с трудом и болью, сердце выскакивало из груди, одолевала тошнота. Одной рукой Мэллоун сорвал с лица противогаз, другой оперся на ставшую чугунной винтовку. После рвоты, которую капрал принял за признак отравления газом, ему стало гораздо легче. Он даже немного отдышался, хватая ртом влажный солоноватый воздух.

– Капитан Остридж! Сэр?! – что было сил закричал Мэллоун, но не услышал собственного голоса. Как и прежде, вокруг него стояла мертвая тишина. Капрал еще несколько раз пытался кричать, звать командира, но даже рыба, выброшенная на берег, производит больше звуков, чем он, мужчина с винтовкой, стоящий в унылом серо-зеленом тумане посреди этой проклятой рощи. Мэллоун поднял ствол винтовки вверх и выстрелил. Винтовка дернулась, стукнув в плечо, но капрал не услышал даже намека на шум выстрела. И тут паника окончательно овладела им. Он бросил оружие на землю, упал на колени и зарыдал. Слезы текли по щекам Мэллоуна, гладко выбритым накануне штурма – воспитание капитана всё же дало свой результат. Полный отчаяния, капрал не нашел ничего лучше, как вознести молитву Деве Марии, – точно так же он поступил в детстве, когда потерялся на ярмарке в Элмбридже, неподалеку от Лондона, куда его взяли на свою голову родители. И молитва тогда помогла...

Вдруг капрал ощутил толчок в спину. Он тут же ничком упал на влажную землю. «Вот и конец!» – пронеслось в голове, но, повернувшись, он увидел крайне бледное, но улыбающееся лицо капитана Остриджа, который тряс его за плечо. Неизвестно, кого в этот момент больше ожидал увидеть Мэллоун – святого Петра со связкой ключей от рая или своего патрона, но капрал радостно вскочил с земли и со слезами обнял капитана, приподняв его над землей.

– Что случилось? – пытался прокричать Мэллоун, но лишь беззвучно шевелил губами. Остридж жестом остановил его, поясняя, что говорить бесполезно. Подавая знаки рукой, капитан увлек Мэллоуна вперед, туда, где туман казался чуть реже. Вполне возможно, что это было движение не вперед, к вражеской крепости, а назад, к своим войскам, но капрал был уверен, что Остридж знает, куда идти. Продвигаясь среди деревьев, капитан не заметил, что ремень его офицерской сумки внезапно расстегнулся и планшет соскользнул вниз, на землю, подчиняясь могучей силе гравитации. Мужчины шли уже рядом, плечом к плечу, отдаляясь от места, где так и остались лежать в тумане неотправленное письмо и фотографическая карточка молодой женщины...

12 августа 1965 года

пролив Дарданеллы,

национальный парк Гелиболу Ярымадасы, Турция

7:30 пополудни

– Эй, Майк, ну что ты там возишься, давай быстрее! – девушка энергично махала молодому бородатому мужчине в клетчатой рубашке, который пытался приладить слетевший пропеллер к ветряку метеорологического поста.

– Придется ехать в Гелиболу за новым, – пробормотал себе под нос Майк Каннингем, британский метеоролог. Правительство Турции пригласило его вместе с командой студентов университета для изучения погодных аномалий в районе Босфора и Дарданелл. Мелисса, так звали девушку, была американкой и вполне могла бы получить образование в своем родном штате Иллинойс, однако ее родителям захотелось, чтобы их единственная дочь училась в старой доброй Англии. Сюда, на уединенный метеопост, Майк и Мелисса прибыли для проверки сохранности оборудования и работы приборов. Пост располагался на вершине высокого холма, и с первого же взгляда можно было догадаться, что в прошлом здесь находились оборонительные сооружения, ныне засыпанные землей. Лишь проржавевшая табличка, приваренная к металлическому стержню, напоминала о былых временах. Окончательно потеряв надежду приладить пропеллер к ветряку, Майк подошел к табличке, поправил на носу очки в роговой оправе и стал ее рассматривать. Он предположил, что, возможно, на ней есть какая-то надпись, и поскреб ржавчину ногтем. Через некоторое время стали угадываться цифры – 915. Это могла быть какая-то отметка или номер могилы. Майк поскреб табличку сильнее, и проступила еще одна цифра, перед девяткой, – единица. Получилось – «1915». «Да ведь это же год!» – решил метеоролог. Интересно, что происходило на этом холме ровно пятьдесят лет назад?

– Ну, Майк, поехали же! – девушка в нетерпении подпрыгивала возле небольшого «фиата», на котором они сюда приехали. Она уже завела двигатель, и «фиат» тархтел своим слабосильным моторчиком, расположенным в багажнике, выпуская сизые облачка дыма и несгоревшего бензина. Становилось прохладно, солнце садилось, освещая своими последними длинными золотисто-красными лучами живописную местность. Мелисса поежилась от резкого дуновения ветра, натянула на плечи шерстяную кофту и нажала на гудок автомобиля, чтобы поторопить чересчур дотошного ученого, но клаксон не сработал. Странно. Мелисса еще раз энергично попыталась посигналить, но звука не последовало, да и моторчик «фиата» зачихал и заглох. В наступившей тишине Мелиссе что-то почудилось, но она была слишком раздражена, чтобы смотреть по сторонам. Она решительной походкой направилась вверх по склону, энергично шагая и размахивая руками, как это обычно делают раздосадованные дети. Кулачки ее сжимались от негодования: в базовом лагере поспел ужин, да и Сэмми ее уже заждался. Майк не вмешивался в дела студентов, но никак не мог взять в толк, что нашла американка, у которой все разложено по полочкам, в этом мешковатом и неуклюжем Сэмми, объекте постоянных розыгрышей со стороны друзей по полевой партии. Сэмми был родом из графства Сассекс, расположенного в юго-восточной Англии, носил огромные очки, стекла которых были вдвое толще, чем у Майка, и постоянно смешно протирали их платком.

Кстати, о стеклах. Майк вытащил платок из кармана джинсов и стал протирать свои очки, которые внезапно запотели. Но нет, стекла здесь были ни при чем. Майк присмотрелся и увидел за спиной приближавшейся к нему Мелиссы облако необычного серо-зеленого тумана, которое быстро разрасталось и делало все очертания размытыми и неверными.

Девушка злилась. Сейчас она выскажет ему все! Книжный червь, который понятия не имеет о реальной жизни! Мелисса уже было открыла рот, но ее взгляду предстало изумленное выражение лица Майка – он смотрел мимо нее с таким видом, будто у нее за спиной выросло... привидение!

Мелисса медленно обернулась и замерла. Словно в немом кино, там, где она стояла ровно минуту назад, беззвучно шли, цепляя собою липкие хвосты тумана, люди в чудной форме и с оружием. Казалось, протяни руку – и коснешься их диковинных касок, больше похожих на глубокие тарелки. Солдаты шли молча, совершенно не обращая внимания на застывших в изумлении Майка и Мелиссу. Казалось, что воины сами сотканы из тумана, настолько одноцветно-землистыми были их лица. Мозг Майка лихорадочно перебирал варианты рационального объяснения происходящего, но ничего разумного так и не нашел. Мелисса, оцепенев, не могла сдвинуться с места, так и застыла вполоборота. А люди в форме всё шли и шли мимо, постепенно исчезая в тумане; их контуры, размываемые набежавшим ветром, расплывались и таяли, как мираж. Майк успел увидеть четкий образ улыбающегося офицера и солдата, идущих рядом. На офицере была фуражка, что дало метеорологу возможность определить, кто из этих двоих старше по званию. Солдат держал в руке винтовку с пристегнутым штыком, а другой рукой показывал что-то жестами офицеру. Краем глаза Майк заметил, как нечто соскользнуло с офицерского плеча и растаяло в траве на склоне холма. Очередной порыв ветра потревожил странное видение, туман начал расползаться, исчезая и растворяясь в воздухе. Образы солдат деформировались, потеряли четкость и наконец исчезли. Несколько секунд в воздухе висела звенящая тишина, которая затем прервалась истошным визгом Мелиссы, от которого у Майка заложило уши.

Зачихал и затарахтел мотор «фиата» у подножья холма, время как бы вернулось к своему обычному течению. Майк заметил, как солнце совершило резкий скачок к горизонту, и теперь виднелся лишь его краешек, маленькая алая горбушка, окрашивавшая небосклон в темно-бордовый цвет запекшейся крови. Часы мужчины остановились, он тряхнул рукой, но механизм так и не ожил.

– О Майки, что, что это было? – в ужасе пискнула Мелисса. – Кто эти люди? Это что, мираж? И почему стало так холодно?

Майк только теперь обратил внимание, что дрожит. Но вскоре стало теплее. Вместе с исчезающим облаком тумана отступал и холод, уступая место ласковому средиземноморскому летнему воздуху.

– Майк, поехали отсюда быстрее, мне кажется, что я сошла с ума! Эти жуткие привидения! Ты хоть что-нибудь понимаешь? Ты же ученый! Майк, да очнись ты наконец! – Мелисса резко дернула Майка за руку.

Метеоролог мотнул головой, отгоняя наваждение, и поднял упавшие очки.

– Ты права, Мелисса, пора убираться отсюда. Не знаю, что это было, но рассказывать об этом точно никому не стоит. А то нас упекут в психушку, а мне это меньше всего нужно!

Они бегом направились к машине, которая бодро тарахтела как ни в чем не бывало.

– Что это? – взвизгнула Мелисса, указывая дрожащей рукой в траву под ногами, где темнел предмет, похожий на сумку. И вскинула предупреждающе ладонь, заметив движение Майка. – Не прикасайся, вдруг это ОТТУДА?

Майк нагнулся и поднял находку. Это был планшет из бычьей кожи, довольно потертый, местами со следами гари и покрытый трещинами – такие он видел в кадрах военной кинохроники в своем далеком лондонском детстве, в перерывах между бомбежками: город атаковали

фашисты. Он расстегнул планшет, и на землю выпали старая карта, пожелтевшая черно-белая фотокарточка и серый конверт. С поблекшей фотографии смотрело милое лицо улыбающейся девушки, а на оборотной стороне по-английски каллиграфическим почерком было выведено:

«Несравненному капитану Остриджу от любящей Мэрион», – и дата: 12 апреля 1915 года.

По возвращении в лагерь Майк передал трясущуюся от пережитого приключения Мелиссу в руки заботливого Сэмми, а сам уединился в своей палатке и погрузился в чтение найденного письма, адресованного той самой девушке, что была изображена на фотографии. И чем дальше он читал письмо, тем тягостнее было у него на сердце. Каково это – получить послание с того света? У него уже не было сомнений, что видение, представшее перед ними на склоне холма, явилось из далекого прошлого, и уж только одному Богу известно, как такое могло стать возможным.

Майк вертел в руках серый конверт с надписанным адресом. Он был лондонский, такая улица есть в Челси. Наверняка там и сейчас кто-то проживает. У метеоролога мелькнула мысль: а вдруг?..

2 октября 1965 года

Лондон

– Мама, тебе опять «Таймс» и письма! Принести? – женщина средних лет по имени Лили только что затворила дверь за почтальоном, не забыв перекинуться с ним парой слов о погоде и новостях. Она регулярно навещала свою престарелую мать – миссис Рэндл недавно овдовела и теперь проживала одна в небольшом, но очень уютном особняке, расположенном в лондонском Челси. Пожилая леди нуждалась в участии дочери, единственного родного человека, который у нее остался, не считая двух внучек-студенток, крайне занятых собой и учебой. Лили помогала матери по хозяйству, приносила продукты, готовила обеды и всячески старалась скрасить ее одиночество.

Миссис Рэндл сидела в своей спальне на втором этаже и листала старый альбом с фотографиями, доставшийся ей еще от родителей; пожелтевшие картонки с тиснением вензелей и гербов возвращали ее к временам детства и беззаботной юности. Альбом пестрел фотографиями именитых мужчин в нарядных мундирах и роскошных дам в необъятных шляпках с перьями. Это было неслучайно – мать Лили принадлежала к древней аристократической фамилии, имевшей обширную родословную.

– Мама, посмотришь почту? Ее только что доставил мистер Бишоп. Как всегда, всё жаловался на ревматизм. И еще он сказал, что скоро всех работников заменят автоматы, у них на почте уже поставили машину, которая сортирует письма, представляешь? Говорит, что его и остальных сотрудников скоро спишут в утиль! – Лили засмеялась, вообразив, как забавно бы это выглядело.

– Лили, ничего смешного в этом не нахожу! Что за нелепость – заменить людей машиной? Не понимаю: как можно так поступить хотя бы с мистером Бишопом, который знает в Челси всех и вся лучше любого инспектора из Скотланд-Ярда?

– Мистер Бишоп сказал, что в сегодняшней корреспонденции есть странное письмо...

Мать перебила ее, не дослушав:

– И потом... Кто будет разносить нам письма, газеты, журналы? Неужели какая-нибудь кастрюля на колесиках? Оставь эти глупости, Лили, и займись лучше делом! – миссис Рэндл пребывала не в лучшем настроении.

Лили молча оставила корреспонденцию на журнальном столике подле матери и спустилась вниз.

– Подумаешь, автоматы! – не унималась миссис Рэндл. – Ну как они смогут отсортировать вот этот конверт или, к примеру, вот тот?

Она взяла в руки шероховатый конверт из серой бумаги, где от руки был написан ее адрес, а не напечатан на машинке, как это принято теперь. Надела очки и пригляделась. Странно. Адресовано ей, но указана ее девичья фамилия... Уже давно никто не обращался к ней как к Мэрион Саттон. Она уже сорок пять лет как миссис Рэндл – к сожалению, уже вдова.

Красивый размашистый почерк на конверте был смутно знаком, и она с нетерпением, дрожащими пальцами, разрежала конверт ножом для бумаги. Из конверта выпала фотография и сложенный лист пожелтевшей бумаги. Миссис Рэндл обомлела. С фотографии на нее смотрела Мэрион Саттон, милая девушка двадцати с небольшим лет. Миссис Рэндл с замиранием сердца перевернула фото, где ее собственной рукой было выведено: «Несравненному капитану Остриджу от любящей Мэрион. 12 апреля 1915 года».

Слезы покатались из ее глаз, она лихорадочно развернула письмо и стала читать...

«...Дражайшая моя Мэрион, вынужден заканчивать свое послание: наш прославленный Норфолкский полк готовится к атаке, коей мы должны поставить точку в сопротивлении турецких частей на Дарданеллах. Еще раз благодарю Вас за ту фотографическую карточку, которую Вы так любезно мне прислали со столь изысканной подписью, сделанной Вашей нежною рукою. Она все время со мной, и я восполняю недостаток эстетического удовольствия, коего на войне, прямо скажем, не хватает, любованием Вашим светлым образом. Когда Вы приступите к чтению сего письма, враг будет разбит, а Ваш покорный слуга получит очередное повышение и, возможно, орден за отличные показатели в беге с ружьем за удирающим турком! Надеюсь, что эта кампания скоро завершится и я смогу увидеть Вас, заключить в объятия и поцеловать Ваши нежные ручки.

*Засим прощаюсь, навеки Ваш
Дэвид Остридж».*

Что-то больно кольнуло в груди, миссис Рэндл потянулась за пузырьком с сердечными каплями, этими вечными спутниками старости, но опрокинула их на пол. Она закрыла глаза, прижав письмо к груди. Это было невероятно. Целых пятьдесят лет она ждала и искала, сначала явно, обивая пороги военного министерства, отправляя запросы в Красный Крест, в правительство Турции, Лигу Наций и прочие именитые и влиятельные организации. Потом надеялась и ждала тайно, лелея веру в потаенных уголках души, наконец смирилась и уже почти забыла... В особой шкатулке хранились десятки ответов на ее запросы, где повторялись одни и те же сухие фразы – «пропал без вести», «не найден», «не числится». И вдруг, через пятьдесят лет... письмо... от него...

– Мама? – Лили почувствовала что-то неладное и поднялась к комнате матери, бросив готовку еды. – С тобой всё хорошо? А, мама?

Не получив ответа, Лили подумала, что мать задремала, но решила всё же проверить. Она постучалась, затем вошла в комнату. Миссис Рэндл полулежала в кресле, сжимая в руке испитый лист бумаги. На лице женщины застыла улыбка; подобной Лили не видела у матери уже долгие годы. Угасший взор покойной был устремлен вперед, туда, где под развевающимся полковым знаменем шли в атаку храбрые британские солдаты, возглавляемые статным красавцем-капитаном, которому были нипочем свистящие вражеские пули...

24 июля 1978 года

библиотека Кембриджского университета

Майкл Каннингем с волнением принимал целую подборку материалов, среди которых были и недавно рассекреченные бумаги из архива министерства обороны Великобритании. Рыжая библиотекаря с удивлением качала головой, наблюдая, как он в возбуждении сличал выданные ему документы с формуляром, как будто только что получил миллионное завещание почившего в бозе дяди. Волнение было столь велико, что Майкл даже забыл поблагодарить работницу за помощь, – та недовольно фыркнула и вернулась к своим рутинным обязанностям. Держа в руках стопку папок, Каннингем ликовал. Это был успех: наконец-то он сможет понять, разобраться, что же произошло тогда, в пятнадцатом году. Так... Спокойно. Вот и тот отчет, который он дольше всего искал, – «Об изысканиях германских военных и гражданских ученых в области разработки акустического, теплового и электромагнитного оружия в период с 1911 по 1918 годы». Всего год назад с этого документа сняли гриф секретности. Майкл бережно перевернул первую страницу отчета и улыбнулся. Теперь, возможно, он сможет заполнить те пустоты, которые имелись в его умозаключениях, и прольет свет на то, что наблюдали уже десятки людей в 1968, 1971 и 1975 годах в том месте, где он и Мелисса решили, что сошли с ума.

Кто знает, кто знает...

Тоннель Линкольна

Город Вихокен, округ Хадсон,

штат Нью-Джерси

18 ноября 1975 года

ДЖЕКСОН РАЙТ, ПОДЖАРЫЙ МУЖЧИНА сорока восьми лет, прикрывшись дождевиком, прыжками преодолевал лужи, которые грозили слиться в небольшое озеро. Он спешил к кассе заправочной станции, чтобы оплатить газолин. Вода хлестала со свинцово-серого неба сплошной лавиной, и добраться сухим до заветного окошечка оказалось не так-то просто. Через некоторое время, уже стоя под навесом, сооруженным над служебным помещением заправки, он убедился в том, что навес при таком ливне не спасает. Райт перекинулся несколькими словами с парнем за кассой, который пожелал ему счастливого пути и посоветовал быстрее добираться до Мидтауна, пока не затопило тоннель Линкольна.

Джексон уже давно отождествлял свой автомобиль с живым организмом, вот и теперь, наблюдая, как топливо поступает в «форд», бормотал про себя, будто разговаривал с ним: «Вот сейчас ты попьешь газолинчика, взбодрисься, и поедем дальше...»

Мужчина путешествовал не один. В стареньком «форде», кашляющем и содрогающемся всем своим грузным стальным телом, его ждала супруга Марта. Женщина была больна. Она кашляла пуще автомобиля, единичные позывы сливались в приступы мучительного удушья, сковывавшего всё тело и рождавшего в ней страх, близкий к панике. По сравнению с ее состоянием фыркающий «Форд Кортина» был сверкающим здоровяком.

...Всё началось внезапно, вчера, когда супруги были в гостях у четы Парсонсов, своих старых друзей, которые уже предпочитали тишину тихих пригородов шумной суете Манхэттена. Эрик Парсонс слыл прогрессивным архитектором, не признанным со стороны официальных мастодонтов: во всяком случае, многие его проекты так и остались на бумаге. Что-то было реализовано в Денвере, какой-то общественный центр состоялся в Сан-Франциско, но предметом его гордости был их собственный дом, построенный пару лет назад на зависть молодым и стареющим хиппи от искусства. Соседи же не выказывали явного восторга при появлении футуристического особняка рядом с их правильными прямоугольными псевдовикторианскими домиками. Эрик называл свое творение «предтечей космогонического равновесия», но знатоки утверждали, что Парсонс во время работы над проектом слишком увлекся «травкой» и улетел достаточно далеко от американской практичности, когда каждый квадратный дюйм используется с умом.

– Скажи, Эрик, а всё же для чего эта пирамидальная комната под крышей? – Марта Райт в сотый раз повторила вопрос, который неизменно задавал хозяину каждый гость, попавший в архитектурский дом. И в сотый раз Эрик, распираемый гордостью до состояния индюка, делал пространный жест в сторону Вселенной и медленно произносил набившую оскомину его супруге Ханне фразу:

– Это портал человечества в мир, где время теряет свой смысл и мы обретаем вечность в общении с великими силами древней природы. Пирамида концентрирует тонкие излучения

в точке пересечения диагоналей квадрата основания... – обычно после этих слов Эрик усаживался в глубокое красное кресло со своим любимым хайболом¹ и начинал разглагольствовать о золотом сечении и о числовых последовательностях, углублялся в историю, вспоминал Леонардо с его витрувианским человеком и прыгал в далекое будущее, где люди будут путешествовать в пространстве и времени, не прибегая к сложным техническим и электронным устройствам, а лишь концентрируя свою сверхмысль в специальных космогонических пирамидах, выполненных из сверхпроводящего металла...

Далее слушатели обычно теряли нить его монолога и предавались своим разговорам, потягивая хороший шотландский виски, которым всегда был полон его чудной дом.

Но Марта не потеряла интерес и продолжала внимать Эрику, а тот увидел в жене старинны Джексона благодарного слушателя и еще пуце распустил перья, развивая теорию одновременного существования бесчисленного множества параллельных Вселенных. Ханна попыталась увести подругу на кухню, ей было что обсудить с Мартой, но та, как зачарованная, всё слушала и слушала...

Покончив с заправкой, Джексон в несколько прыжков пересек асфальтированную площадку станции, пытаясь не ступать в глубокие лужи, но всё равно промочил ноги и, чертыхаясь, нырнул в чрево своего «форда». Полный бак промочил иссушенные патрубки хворающего неполным сгоранием двигателя, стартер несколько раз лениво крутанул вал, машина вздрогнула, с рыком выпустила облачко едкого сизого дыма и завелась.

Райт глянул на супругу: та, казалось, задремала, но звуки, производимые его шумной «повозкой», всё же разбудили ее.

Марта осунулась и как будто постарела за эти несколько часов, проведенных у Парсонсов и в дороге. В руке она сжимала платок, которым прикрывала рот во время приступов кашля. Всё это было очень странно: Марта, в отличие от многих своих подруг, забивавших таблетками шкафчики в ванной, никогда не болела серьезно, а если и умудрялась простыть, то выздоравливала за два-три дня. Она не раз шутила и объясняла свое отменное здоровье детством, проведенным на океанском побережье Флориды. Правда, был в ее жизни эпизод, когда она чуть было не отдала Богу душу.

В 1951-м Марта очень тяжело разрешалась от бремени сыном Тревором – тогда врачи не давали и цента за благополучный исход дела: мальчик родился посиневшим, с пуповиной вокруг шеи. Акушерка, выдавшая многое, чуть не грохнулась в обморок при виде скорченного бездыханного тельца и внезапно обмякшей мамы, которая тоже перестала подавать признаки жизни. Однако новорожденный вдруг задышал, издал свой первый слабенький писк, очень скоро переросший в истошный крик, который не давал покоя всем вокруг. Роженица же оставалась бездыханной; врачи в спешке приступили к реанимации, но все их попытки привести миссис Райт в чувство были безуспешны. И когда надежда их уже оставила, Марта неожиданно сделала судорожный вдох, как будто кто-то невидимый перестал наконец сжимать горло; тело ее содрогнулось и исторгло плаценту. Женщина открыла глаза и улыбнулась. С тех самых пор Марта Райт не болела серьезно ни разу вплоть до вчерашнего вечера... А повзрослевший ее сын Тревор Райт с нашивками капрала и теперь продолжает неустанно драть глотку на базе морской авиации в Пенсаколе, штат Флорида, демонстрируя новобранцам весь объем своих мощных легких...

– Эрик, а ты можешь объяснить мне, как это работает? Я имею в виду твою пирамиду, – вдруг спросила Марта хозяина дома, который, как казалось, и сам уже забыл, о чем он начал говорить. Джексон с недоумением поглядел на жену: она была чересчур возбуждена

¹ Хайбол (*Highball*, англ.) – крепкий коктейль на основе скотча и содовой.

рассказом архитектора, ей уже не терпелось обрести опыт «единения со множественной Вселенной». И, судя по всему, отговаривать ее от этой затеи было бессмысленно.

Ханна недовольно поморщилась: она всё пыталась вставить свою пару слов о лимонном пироге, время которого давно настало, но Эрик уже несея вверх по лестнице, увлекая за собой зачарованную Марту. Джексона тоже не понравилась идея жены, – он всегда опасался всего непонятного и непознанного, того, что выходило бы за рамки привычного, обыденного и логически объяснимого. Он пожал плечами и последовал вместе с Ханной за увлеченными энтузиастами вселенского познания.

Эрик усадил Марту в позу лотоса в центре некоей геометрической фигуры, образованной узором напольного покрытия странной пирамидальной комнаты, венчающей дом Парсонсов. Пространство было абсолютно пустым, в комнате не было никакой мебели или предметов, лишь с самого верха, от вершины пирамиды, на тонком шнуре свисала конструкция, напоминающая блестящий маятник.

– Закрой глаза и сконцентрируйся на своих ощущениях, – наставлял миссис Райт архитектор. – Ничто не должно тебя отвлекать. Мы все выйдем отсюда, и ты останешься наедине с вечностью. Не бойся, это совсем не страшно. Напротив, это прекрасно! Надеюсь, что у тебя получится. Лишь немногие избранные способны к единению с вечностью. Остальные же – бесчувственные чурбаны, которым нет дела ни до вечности, ни до единения с ней! – Эрик засмеялся, Марта улыбнулась, а Джексона с Ханной лишь еще больше нахмурились.

– Эрик, это не опасно? – Джексона ощутил неясную тревогу. – И что это за штукавина наверху?

– Успокойся, дружище, это совершенно безопасно. А то, что ты назвал штукавиной, есть нейротрансмиттер, проще говоря, усилитель психической энергии, мостик между душой и космосом! – не без гордости сообщил мистер Парсонс, так как это была его собственная разработка. Однако вместо спокойствия Райт ощутил еще большую тревогу и хотел было продолжить выражать сомнения, но Эрик бесцеремонно вытолкнул его и Ханну за дверь, на лестницу. Сквозь щель в закрывающейся двери Джексона увидел спокойное лицо супруги, она медленно закрыла глаза, на ее лице блуждала улыбка.

– Так, оставим миссис Райт наедине с матерью-природой и скорее пойдёмте вниз! Нас ждет лимонный пирог! – суетился возбужденный Эрик. – Ханна, неси скорее, мы чертовски хотим отведать твоего волшебного пирога! А мы с тобой, Джексона, промочим еще горло, как ты думаешь?

Они спустились в гостиную, где горничная уже приготовила салфетки и приборы для десертного стола. Ханна ушла в кухню за пирогом, а Эрик тут же принялся откупоривать бутылку «Лагавулина»², как вдруг сверху раздался истошный крик Марты, исполненный ужаса и страдания. Подобный крик Джексона слышал лишь однажды, во время охоты в лесах Вермонта, когда раненая олениха пыталась закрыть собой от пуль как из-под земли появившегося олененка. Он никогда не слышал раньше, как могут кричать олени, позже тоже не слышал, потому что с того дня зарекся охотиться и выбросил свой ремингтон там же, в лесу. Друзья крутили пальцем у виска и насмехались над его чувствительностью, тем более что Джексона побывал в Корее; но стрелять из вертолета по джунглям и смотреть в глаза умирающей оленихе – это разные вещи... Гигантскими прыжками несея вверх по лестнице Джексона навстречу жуткому воплю Марты, который становился всё громче. Звук заполнил всё существо бегущего на помощь мужчины, и он вдруг различил в этом крике не один голос, а множество – может, десять, а может, и тысячу разных голосов...

² Лагавулин – марка шотландского односолодового виски с выраженной торфяной ноткой.

«Форд» плавно тронулся, покидая заправку. Дождь усилился и лился с неба нескончаемым потоком. Проезжавшие по встречной полосе грузовики обдавали автомобиль Райтов мутными волнами, подобно скоростным катерам, поднимавшим буруны пенящейся воды. «Дворники» не справлялись со струями дождя, так и норовившими залепить расплывчатой пеленой лобовое стекло. Да и печка стала барахлить – все стекла мигом запотели изнутри. Джексон нервно тер тряпкой лобовое стекло, придвинувшись к рулю, и одновременно пытался рассмотреть дорогу впереди. Он ориентировался на блеклые красные фонари впереди идущей машины. Иной дороги, кроме как в тоннель, уже не было, поэтому мистер Райт мог смело встать в хвост этому автомобилю. Марта взяла у мужа тряпку и протерла стекла со своей стороны, но это помогло ненадолго.

– Нам надо миновать тоннель; здесь, на эстакаде, негде остановиться, – сказал Джексон сам себе и своему «форду», вглядываясь в дорогу. – Давай, милый, не подведи, приедем в Нью-Йорк – я отдам тебя в руки лучшего механика Бруклина. Старина Бобби починит твою печку. Обещаю!

– Джей, почему ты разговариваешь с машиной? Поговори лучше со мной! – Марта подтянула ноги к животу и опустила голову. – Мне страшно! Я никогда так не боялась! Я хочу домой, и поскорее, ты можешь прибавить скорость?

– Нет, мамочка, ехать быстрее опасно, и так ни зги не видно.

В этот момент «форд» погрузился в набежавшую волну воды и брызг, порожденную встречным «фрейтлайнером»³, который сверкал огнями и хромом роскошных выхлопных труб, как рождественская елка.

– Будь оно все проклято... – прошептала Марта.

Но вот показались огни, обозначающие въезд в тоннель. Джексон обратил внимание на всполохи маячков полицейских машин и на высокого офицера в дождевике, который регулировал движение на въезде. За струями дождя виднелся накренившийся корпус междугороднего автобуса. Джексон приоткрыл окно.

– Офицер, что случилось?

– Проезжайте, сэр, там авария!

– Что-то серьезное? Нужна помощь? – Джексон пытался рассмотреть сквозь дождь, что происходит возле искореженного автобуса.

– Это просто дорожная авария, сэр; водитель не справился с управлением и врезался в отбойник.

– Немудрено в такую погоду! Но мы можем проехать в тоннель? – взволнованно спросила Марта.

– Держитесь правее, сэр, полоса ХВЛ⁴ закрыта, движение осуществляется только по двум правым полосам.

Полицейский посветил фонариком в кабину «форда». Марта была смертельно бледна и дрожала. – У вас всё в порядке, мэм?

– Да, офицер, спасибо за заботу, я просто немного приболела... Мы хотим быстрее попасть домой, в Нью-Йорк, – Марта опять закашлялась и скорчилась на сиденье в душающем приступе.

– Мэм, может, вам нужен врач? У нас есть свободная бригада парамедиков здесь, – офицер внимательно вглядывался в лица супругов.

– Нет, спасибо, нам лучше скорее доехать домой и лечь под теплое одеяло, – миссис Райт слабо улыбнулась.

³ Фрейтлайнер (*Freightliner*, *англ.*) – американская классическая марка грузовиков-тягачей.

⁴ Полоса ХВЛ – выделенная полоса для движения общественного транспорта.

Полицейский коснулся козырька фуражки, сверху которой был надет пластиковый чехол, и пожелал счастливого пути. О'Доннелл – так звали лейтенанта полиции – проводил взглядом чадающий и чихающий «форд» Райтов и покачал головой. Вода струйками стекала ему за шиворот. Дождевик прохудился; да даже если бы он был трижды целым и новым, – всё равно не спас бы от этого потопа, обрушившегося с небес.

Лейтенант поплелся обратно к автобусу. Тело водителя уже вытащили из искореженной кабины и паковали в черный пластиковый мешок. Шофера будто пропустили через мясорубку – похоже, в его несчастном организме не было ни одной целой кости. Это было очень странно – повреждения кабины были совсем незначительными, пострадал лишь водительский отсек. «Черт подери, – недоумевал патрульный, – с чего бы это вдруг он пересек все полосы движения, выехал на встречную и врубился в отбойник противоположного края арки тоннеля?! Сердечный приступ? Потеря сознания? Алкоголь?» О'Доннелл представил ворох бумаг и рапортов, которые нужно будет теперь заполнить, опросить всех пассажиров... По счастливому стечению обстоятельств, эти люди сильно не пострадали – так, пара синяков и царапин, только у одного парня перелом ключицы. В столь поздний час пассажиров в салоне автобуса было немного. Но что, собственно, послужило причиной аварии?

...Сильным ударом Джексон выбил дверь в пирамидальную комнату и застал Марту лежащей на полу среди этих проклятых фигур и символов, начертанных на паркетинах. Следом за ним сюда вбежали перепуганные насмерть хозяева. Джексон подхватил обмякшую жену и освободил ее шею от шарфа. Марта хрипло вздохнула и закашлялась, совсем как астматик. Он знал об астме не понаслышке. Его мать страдала этим недугом и ночами напролет кашляла, сидя в постели, вцепившись руками в край матраса. Лицо ее багровело, и маленький Джексон очень пугался, не зная, чем помочь страдающей маме. Теперь вот и Марта задыхалась и стонала точно так же, как его мать, и это потрясло Джексона.

– Воды, быстро! – крикнул он. Эрик и Ханна одновременно бросились к двери, мешая друг другу. – Звоните 911! Очнись, Марта, что случилось?! – Джексон раскачивался из стороны в сторону, баюкая лежащую без сил жену, которая в перерывах между приступами кашля беззвучно рыдала. Ее стошнило на пол. Наконец приехала скорая помощь. К тому времени заботливые и не на шутку перепуганные хозяева уложили миссис Райт в гостевой спальне на втором этаже. Врач осмотрел женщину и покачал головой. Никаких идей, что с ней, у него не было. Тем не менее, учитывая приступ удушья и паники, он велел медбрату приготовить в шприце «коктейль на все случаи жизни». Эта смесь помогает в 98 процентах случаев, особенно если речь идет о психических расстройствах.

– Ей нужен покой. Лекарство вскоре подействует, и она заснет. Дайте ей горячий сладкий чай. И обязательно – на прием к ее джи-пи⁵. Завтра же! – доктор очень хотел снять с себя груз ответственности за непонятный случай и переложить его на того специалиста, который хотя бы наблюдает эту женщину не первый день. Засим медики поспешили удалиться.

Марта спала очень тревожно и пробудилась через три часа. Голова шумела от сильнодействующего коктейля, но миссис Райт сразу же потребовала от Джексона, чтобы он отвез ее домой, в их нью-йоркскую квартиру. Эрик и Ханна виновато суетились вокруг больной, больше создавая неразберихи, чем принося пользы. Они наперебой предлагали Райтам чай, а также остаться у них в расчудесной гостевой спальне с отдельной ванной, но Марта и слышать об этом не хотела. Она упрямо требовала отвезти ее домой. Как назло, дождь шел как из ведра, и видимость становилась всё хуже и хуже, да и темнота стояла уже хоть глаз выколи. Редкие и тусклые уличные фонари не справлялись со стихией, и аргументы Парсонсов остаться на ночь казались Джексону весомыми, но Марта была непреклонна. Наспех собрав-

⁵ Джи Пи (GP – General Practitioner, англ.) – врач общей практики, семейный врач.

ишь, они сели в «форд» и двинулись в сторону Вихокена, где начинался тоннель имени Авраама Линкольна длиной четыре с половиной мили, ведущий напрямик в Мидтаун Манхэттена.

...Джексон постоянно протирал тряпкой стекло изнутри – он ни черта не видел, тоннель защищал от дождя, но не от холода. Печка по-прежнему не работала, было ощущение, что на улице резко упала температура. Марта дрожала – то ли от холода, то ли от слабости. Приступы удушья и кашля быстро отбирали у нее силы. Вот уже показались сигнальные огни манхэттенского въезда, уже скоро их дом. Джексон и сам дрожал от холода, было очень зябко. Из рта шли клубы пара, вся влага внутри салона густо конденсировалась на стеклах автомобиля.

– Всё, надо выйти и хорошенько протереть стекла с обеих сторон, я ничего не вижу! – Мистер Райт аккуратно включил поворотник, свернул вправо и остановился на парковочной площадке сразу же после выезда из тоннеля. – Милая, я сейчас!

– Давай я тебе помогу, – Марта открыла дверь и вышла на студёный воздух. Странно, но дождя здесь не было и в помине. Над Манхэттенем было черное в звездах небо, светил резко очерченный узкий серп месяца. Под ногами хрустнул ледок на луже.

– Я протру заднее, – Марта, запахнув пальто поплотнее, быстрыми семенящими шагами направилась к корме «форда». Джексон же, вооружившись своей старой футболкой, которую он использовал вместо тряпки, тер лобовое стекло и фары.

– Очень странно, что мы проехали всего каких-то пять миль, а разгула стихии как не бывало! Ты не находишь, милая? – мистер Райт выпрямился и посмотрел через крышу «форда». – Марта, с тобой все в порядке?

Джексон обошел машину слева, затем справа, но нигде не обнаружил своей жены. Он заглянул в салон машины, но и там было пусто. Лишь ее серое кашемировое пальто лежало на асфальте у чающейся выхлопной трубы «форда».

– Марта, ты где? Что за шутки? – Джексон всматривался в темноту, но никого не увидел. Парковку окружал забор высотой в человеческий рост, и перелезть через него Марте было не под силу. С другой стороны шло шоссе из тоннеля, по нему ехали редкие машины.

– Марта! Марта-а-а!!! – закричал мистер Райт, но голоса жены не услышал.

Мидтаун, Манхэттен, Нью-Йорк

18 ноября 1975 года

Лейтенант О'Доннелл на патрульном автомобиле возвращался с места необычной аварии в Нью-Джерси. Странное сооружение этот тоннель. Но еще более странно то, что если тут что-либо случается, вызывают всегда из их участка... Вроде другой штат, да и патрулирование тоннеля находится в зоне ответственности именно департамента полиции Нью-Йорка... Но, похоже, это никого не волнует.

Выезжая из тоннеля, лейтенант посмотрел направо и увидел одинокий припаркованный под фонарем «форд» и мечущегося по стоянке человека. О'Доннелл включил мигалку и свернул на парковку.

– Офицер, умоляю, помогите! Моя жена! Она пропала, она... – Джексон опустился на колени и в отчаянии разрыдался.

– Сэр, успокойтесь, вы можете толком рассказать, что случилось? – лейтенант тщетно пытался выяснить подробности.

Наконец Джексон Райт сбивчиво объяснил ему суть дела. Полицейский осмотрел парковку, хотя он ее и так знал как свои пять пальцев. Деться отсюда в принципе некуда. Петли на двери, ведущей к эвакуационной лестнице, были защищены не замком, а замотаны проволо-

кой – от мальчишек, которые воровали из припаркованных машин вещи, пока парочки целовались на передних сиденьях и не обращали внимания на то, что творилось сзади. Стальная проволока надежнее замка – ее замучаешься резать кусачками или разматывать. Оценив ее преимущества, ребятня перестала сюда шастать, вот и одной заботой служивым людям стало меньше.

С другой стороны было только шоссе и въезд в тоннель. Больше деться было некуда. О'Доннелл вспомнил этого мужчину сразу, и ту болезненную женщину тоже. Ей нездоровилось, она была очень бледна.

– Сэр, откройте багажник, пожалуйста! – лейтенант положил правую руку на рукоятку пистолета. Но багажник оказался совершенно пуст.

– Не волнуйтесь, сэр, – патрульный взял рацию. – Центральная, это лейтенант О'Доннелл. У нас тут, похоже, похитили женщину, нужно подкрепление. Срочно!

– Ожидайте, лейтенант! Вам в помощь направлены два экипажа.

– Принял, центральная, спасибо, – О'Доннелл проследил глазами за Райтом – тот был на грани истерики. Рация захрипела и замолчала.

Полицейский задумался. Очередная загадка? Да нет! Скорее всего, обычная семейная рутина. Домашнее насилие, в результате чего женщина под шумок сделала ноги. Найдется, конечно, и не далее как в радиусе мили. Или в Лос-Анджелесе – например, под дверь у любовника-продюсера, который обещал сделать звездой экрана, но с трудом теперь вспоминает имя зареванной дамы.

Лейтенант прислушался: ему показалось, что приближается шум идущей сюда машины. Обещанное подкрепление?.. Дай-то бог...

19 ноября 1975 года

Дело становилось все более странным. Поиски исчезнувшей миссис Райт практически всем личным составом трех полицейских участков не дали никаких результатов. Никто не видел женщины в красном платье и без пальто, – даже всё замечающие забулдыги, гревшиеся у бочек с кострами неподалеку, клялись всеми святыми, что не наблюдали никакой дамы, а уж тем более в красном. Вообще, ни в красном, ни в зеленом, ни молодой, ни старой женщины они не заметили. Прибывший кинолог с овчаркой из службы К9 тоже не внес никакой ясности. Собака взяла след, но он был коротким – от правой передней двери до задка автомобиля, там, где было обнаружено пальто. Далее след терялся. Вернее, его просто не было, словно женщина взлетела в воздух или ее забрали на вертолете. Впрочем, эта версия не рассматривалась всерьез, хотя парни из тридцать первого и предположили фантастический сценарий похищения на бесшумном вертолете, который, конечно же, был придуман Советами.

21 ноября 1975 года

Радиус поисков тела миссис Райт был расширен до десяти миль, однако ориентировки, разосланные по морским портам, вокзалам, автобусным станциям и аэропортам, не дали никаких результатов. Никто похожий на Марту Райт не покидал Нью-Йорк или Нью-Джерси. Больницы, морги также были проверены, но и здесь результат оказался отрицательным. Патрули прочесали все закоулки Манхэттена, Бруклина, Бронкса и Гарлема, а также Нью-Джерси в непосредственной близости к тоннелю. Сам тоннель был обследован дюйм за дюймом, но это не продвинуло следствие ни на шаг.

10 декабря 1975 года

Все родственники и знакомые четы Райт дали отрицательные ответы. Никто больше не видел и ничего не слышал о пропавшей Марте Райт. Никаких требований о выкупе, никаких известий или намеков на известия отчаявшийся мистер Райт не получил. Во всех местных газетах были размещены объявления о розыске его жены и обещано значительное вознаграждение. Поступило несколько ложных сигналов, сознательных и ошибочных, но при проверке они не подтвердились. Всё было напрасно.

14 декабря Джексону Райту было предъявлено обвинение в убийстве его супруги Марты Райт, и он был заключен под стражу без права выхода под залог, но вскоре обвинение было снято за полным отсутствием улик и состава преступления. Марта Райт была признана без вести пропавшей.

...Сидя под пирамидальным куполом в особняке Парсонсов, Марта слышала удаляющиеся шаги на лестнице. Судя по всему, ее муж и хозяйка дома удалились в столовую на первый этаж. Миссис Райт уселась поудобнее, чтобы не затекали ноги, закрыла глаза. Постаралась выровнять дыхание, сомкнула большие и указательные пальцы колечком, как посоветовал ей Эрик, хотя находила это несколько картинным и надуманным. Первое время ничего не происходило, лишь крупные капли начинающегося осеннего дождя забарабанили по крыше. Постепенно шум воды и стук сердца стали создавать причудливый ритм, который просто требовал некоей мелодии. Марта тихо запела подходящую, по ее мнению, данному моменту ноту: «Ммммммм...» Это походило на мантру, и вскоре женщина почувствовала приятное тепло, разливающееся по телу, в голове зашумело. Обрывки мыслей текли с невероятной быстротой, она не успевала их ни ловить, ни осознавать. Внезапно этот калейдоскоп разом остановился, и перед закрытыми глазами Марты возникла зияющая пустота, черная, бездонная, – абсолютное ничто.

«Не об этом ли говорил Эрик? – поймала себя на мысли Марта. – Это и есть Вселенная?»

Пока Марта внутренним взглядом всматривалась в черноту, стал нарастать гул в ушах. Сначала это было похоже на легкий свист, потом она различила чей-то шепот, как будто шептали несколько человек одновременно; звук усиливался и вдруг резко стал невыносимым до боли. Марта разжала пальцы и закрыла уши ладонями, но звук, похоже, шел не извне, а исходил из центра ее головы. Женщина открыла глаза и не увидела комнаты-пирамиды, вокруг нее разливалось равномерное молочно-белое свечение, и в этом сияющем НЕЧТО понятия «верх», «низ», «слева» и «справа» отсутствовали в принципе.

«Это именно то!» – пронеслось в голове Марты, и она неожиданно вспомнила, что точно такое же свечение пространства она чувствовала двадцать четыре года назад, когда чуть было не умерла во время родов. И будто в подтверждение ее мыслям, у миссис Райт внезапно перехватило дыхание. Как и тогда, в той далекой реальности, она не могла ни сделать вдох, ни выдохнуть остаток воздуха, и только ощущала режущую боль в груди. В голове всё завертелось, легкие рвало на части, мышцы ее грудной клетки судорожно сокращались.

Пересохишим ртом Марта пыталась поймать воздух, как рыба, выброшенная на берег, но воздуха не было и в помине. Ее окружало невесомое ничто, враждебное и в то же время нейтральное. В какой-то момент она ощутила себя чуждой частицей здесь, в этой вселенной равномерного света и покоя, такой черной раздавленной букашкой на кипенно-белой бесконечной простыне.

Через некоторое время она почувствовала облегчение, что-то очень быстро промелькнуло у нее перед глазами, раздался звук, как будто кто-то быстро крутит бобину магнито-

фона и речь сливается в писклявый треск. Вот на мгновение она видит кого-то в белом, склонившегося над ней, а вот вроде полицейский и ее муж... Но нет, это лишь кажется...

Снова этот свет, и словно редящее облако уступает дорогу чему-то нестерпимо яркому, великому, всепроникающему. Марта раскинула руки, желая обнять этот первозданный свет, и почувствовала, что энергия света ей уже совсем не враждебна и не чужда. Наоборот, она ее манит и принимает в свое лоно. Женищина ощутила беспричинное счастье. «Да, именно об этом толковал Эрик...» – пронеслась еще одна мысль в мозгу миссис Райт...

Она растворялась в молочно-белом свечении, навсегда покидая мир дождя, холода и разочарований...

Дело о бесследном исчезновении Марты Райт было закрыто и передано в архив ФБР.

Утрехтское столпотворение

1278 год от Рождества Христова

Утрехт

Нидерланды

ИЗ ЗАПИСЕЙ СЕКРЕТАРЯ ПРЕПОДОБНОГО архиепископа Бертольдино де Орсини, произведенных в праздник святого евангелиста апостола Матфея, сентября двадцать первого дня одна тысяча двести семьдесят восьмого года от Рождества Христова, в епископстве города Утрехта в пять часов пополудни.

«...поражены мы были пышностью одного зрелища, когда, со слов епископа Утрехтского Ансельма Тунского, сказанных преподобному отцу Бертольдино, после многих месяцев дождей и ненастья вдруг вышло яркое солнце, озарив всё вокруг своим светом, сделав золоченые и белые одежды служителей, несущих хоругви, еще более ослепительными на фоне промытого синего неба. Процессия, поющая гимны на латыни и местном наречии, насчитывавшая, видимо, сотни человек, если не тысячу, растянувшись по главной улице города, следовала от кафедрального собора города Утрехта, где звонари показывали свое искусство, оглашая окрестности благозвучием, приятным уху любого доброго христианина. Путь крестного хода лежал к каменному мосту, под именем Мозельского, через реку Рейн, которая в этом месте имела живописную излучину, что было благосклонно отмечено преподобным отцом Бертольдино...»

«Великое смущение наступило, когда первые идущие достигли середины моста, возникло непонятное затруднение в шествии, и мы заметили хоругвь, которую какой-то нерадивый мальчишка-служка с воплем бросил в воды Рейна. Мы услышали крики и непонятный нам смех, многие другие хоругви и кресты полетели с моста в воду, причиняя неопишное страдание преподобному отцу Бертольдино и нескрываемый ужас епископу Ансельму Тунскому, а также великий стыд за их нерадивую паству. Столпотворение на мосту росло, идущие сзади напирали на впереди стоящих, возникла толчея и паника, люди стали разбегаться, оставляя на земле утварь, одежды и хоругви. Оставшиеся же на мосту стали изрядно кривляться, являя ужимки, приставшие умалишенным, нечленораздельно мычать и кричать, а затем предались дикой пляске, где никто не слышал никакой музыки, необходимой для любого танца, но вскоре беснующаяся толпа стала ногами отбивать дьявольский ритм, стуча башмаками по камням моста. Преподобный отец Бертольдино с сердцем указал на случай одержимости, причем столь массовой, что было доселе неизвестно. Епископ Ансельм Тунский не выказал должной веры словам нунция и предположил некую усталость беснующихся от крайне хмурого лета сего года и несвойственную северянам радость по поводу праздника святого евангелиста и апостола Матфея вкупе с восторгом от приезда преподобного отца Бертольдино, что вызвало справедливые нарекания и гнев нунция...»

«...усилия епископа Ансельма Тунского были весьма тщетны, и он со скорбью предался унынию и бессильным стенаниям, явив приверженность греху смертному, и пал ниц...»

«Отважный же каноник Рогир де Шийон вызвался противостоять нечистому, в одиночку вошел в толпу беснующихся, которые стучали ногами, руками, а кое-кто и головой о камни моста. Воин церкви зычно восклицал: “Выйди, дух нечистый, из сих людей!” – повторяя слова Спасителя нашего Иисуса Христа. И были окроплены одержимые святой водой и осенены крестным знаменем. И явилось чудо Господне незамедлительно: камни моста задрожали, вторя бесовскому ритму, производимому одержимыми, затем мост рухнул в реку Рейн, погребая под собой извивающихся бесноватых и святого отца Рогира».

«Учитывая массовый случай одержимости в епископстве Утрехтском и малое рвение нынешнего епископа Ансельма Тунского, решением преподобного архиепископа Бертольдино де Орсини оный Ансельм Тунский отстранен от должности, сана и поражен в правах до результатов особого разбирательства, кое будет учинено немедленно в городе Утрехте...»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.